

Семен Юшкевич

Кто-то на скале...

Семен Юшкевич
Кто-то на скале...

«Public Domain»

1907

Юшкевич С. С.

Кто-то на скале... / С. С. Юшкевич — «Public Domain», 1907

«Жестокое наказание, которому мы подверглись, было скоро забыто. И я, и Коля после примирения простили отцу, Стёпе и даже злому мельнику – и опять зажили прежней жизнью, полной для нас интереса даже в трудные минуты. Совершенному забвению помогло ещё то обстоятельство, что отец прохворал несколько дней после происшедшего с нами, и страх матери, не отходившей от него, заразительно подействовал и на нас. В эти дни мы гораздо реже выходили из дома и, подчинившись общему настроению, разговаривали шёпотом, ходили на цыпочках и больше просиживали в своей комнате, со страхом спрашивая себя, – чем всё это кончится...»

© Юшкевич С. С., 1907

© Public Domain, 1907

Семен Соломонович Юшкевич

Кто-то на скале...

Жестокое наказание, которому мы подверглись, было скоро забыто. И я, и Коля после примирения простили отца, Стёпе и даже злому мельнику – и опять зажили прежней жизнью, полной для нас интереса даже в трудные минуты. Совершенному забвению помогло ещё то обстоятельство, что отец прохворал несколько дней после происшедшего с нами, и страх матери, не отходившей от него, заразительно подействовал и на нас. В эти дни мы гораздо реже выходили из дома и, подчинившись общему настроению, разговаривали шёпотом, ходили на цыпочках и больше просиживали в своей комнате, со страхом спрашивая себя, – чем всё это кончится. Мать осунулась, побледнела, и когда сомнения за исход болезни особенно осаждали и тревожили её, она приходила к нам с бабушкой, усаживалась на кровать и долго плакала. Бабушка утешала её словами, такими душевными, что вырастала, как святая, и обе они плакали, а мы сидели ни живы, ни мёртвы, испуганные их слезами и почему-то считали себя виновными в несчастье. И в эти несколько ночей страха о неизвестном грядущем, рисуя себе живо осунувшееся лицо отца, которое выплывало предо мной из темноты таким добрым и дорогим, я страстно каялся в том, что некогда желал ему зла. Исчез весь ужас, который он наводил на нас в свои злые минуты, и осталось одно только гнетущее чувство, что хорошее, бывшее в нём, которым он окружал нас, может навсегда исчезнуть. Вот тогда-то и получил моё и Колино прощение злой старый мельник, который в порыве наших покаянных и великодушных чувств превратился в доброго старого мельника, и были моменты, когда ночью же хотелось побежать к нему, рассказать то, что в нашей душе, целовать его... Но в одно счастливое утро этому кошмарному гнёту наступил конец. Доктор, приезжавший ежедневно, сделал свой последний визит; в комнате папы в первый раз раздался смех и в один миг не стало, тронулось и пропало очарование страха. Раскрылись окна, двери; в комнаты ворвался живой воздух, – живые, горячие лучи солнца; затопали, завозились, застучали на кухне, и хозяйственная машина, приостановленная на время, опять завертелась по-старому. Как приятно было чувствовать пробуждение жизни кругом себя! Ничего для себя не хотелось: хотелось только наблюдать, как быстро оживали смелые звуки в этих, мёртвых ещё вчера от нашего отчаяния, комнатах, задушевную улыбку на губах бабушки, спокойную, уверенную радость матери... Всё было запущено в доме и теперь она важно, как бы отвоевав чуть не ускользнувшее из рук царство, приводила владения свои в порядок. Нас пустили к папе, и как радостно забилось моё сердце, когда я бросился ему на шею, хотя едва узнал его: так сильно изменилось его лицо.

– Ну, ничего, дорогие мои, – бормотал он в ответ на наши ласки. – Напугал я вас, а вот и успокоил.

Он засмеялся добрым хорошим смехом, и я перестал себе верить, что когда-то боялся его.

– То был другой папа, – подумал я, – а этот другой, и этого я люблю.

Коля сидел подле него и держал его за руку.

– Милые мои, – произнёс отец опять, – я знаю, как вы тревожились. – Он осмотрел нас любовно. – Мама мне обо всём рассказала. Ну, спасибо, спасибо, защитники мои. И я своих стариков так любил...

Он сказал это задумчиво, но как-то особенно радостно.

– Я, дети, своего отца и мать свою зову стариками, – откровенно заявил он нам, – и меня вы, когда вырастаете, тоже стариком будете звать. Очень приятно мне называть их стариками. Они были для меня самыми дорогими и лучшими стариками в мире. Простые они были... и ничего этого не было у них.

Тут он указал на всё, что было в комнате дорогого и ценного.

– Вы, папа, совсем выздоровели? – спросил я.

– Слава Богу, Павел, – он любил называть меня Павлом, когда был расположен, – совсем выздоровел. Ну, полежу немного, отдохну, – а там опять в жизнь, в жизнь!

Удивительно радостно произнёс он это «в жизнь». Будто ему вырвали крылья, а теперь они подросли, и он только ждал, чтобы они заострились.

– Вот что, дети, – произнёс он после молчания, – как только выдастся свободное воскресенье, возьму вас на Волнорез. Всё время, что лежал, думал об этом. Там мы отпразднуем моё выздоровление. Наловим рыбы, выкупаемся, и отлично проведём вместе денёк. Мало, ведь, я с вами бываю, дорогие мои. Что, Николай? Возьмём маму, провизию – и марш на весь день.

Тут уже мы разом все заговорили и подняли такой шум, что привлекли мать. Она вошла с нахмуренными бровями, но в глазах её играло сияние счастья. Она стала упрекать отца, что он себя вести не умеет, что он себя губит, но всё с таким прелестным выражением в глазах, что папа не осмелился возмутиться против этого нежного тиранства. Нас же она выгнала и мы, выбежав с шумом, на пороге три раза прокричали:

– Мы поедem на Волнорез!.. Мы поедem на Волнорез!..

Во дворе мы не остались и с гиком побежали на гору. Потом крикнули Стёпу и полной рукой взяли все радости чистого воздуха, беззаботной игры и охоты на горных зверей. Приятно потекло время.

Дни, между тем, стали уже очень жаркими, сухими и ослепительными. Земля вся во дворе и на горе растрескалась, запылилась; запылились и травы, посерели и стали увядать; душистый запах их пропал. Воздух сделался горячим и неприятным. В нём носилась жгучая пыль, и даже в тени теперь трудно было дышать. Небо же было высокое, пустынное, и в нём сверкали и переливались нестерпимые для глаз лучи. В доме у нас царил полный порядок. Отец, оправившись, стал выезжать, и надзор за нами опять ослабел. Мама, страдавшая от жары и никогда не выносившая её, просиживала по целым дням в своей комнате, где было чуть прохладно от сделанной темноты; она только по вечерам открывала ставни и окна – и все приказания по хозяйству отдавались здесь же в темноте. Приходила кухарка, и мать, не видя её, казалось, рассовывала по углам свои слова, которые уже сами, как будто чудом каким-то, доходили до ушей кухарки. Кухарка, в свою очередь, не видя матери, говорила глухим голосом, как в трубу, а в кухне жаловалась на то, что во тьме не может держаться на ногах и когда-нибудь этак свалится там. Туда же приходил старик Андрей и держал руки по швам, выслушивая приказания, – он очень почитал маму. Этот никогда не переспрашивал, не перечил и только отвечал, поднимая, неизвестно почему, голову: «Точно так, барыня моя» или: «Слушаю, барыня моя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.